

Моя тетя верила, что она меня не ненавидит. Независимо от общественного мнения, если бы кто-то спросил мою тетю о том, почему она так сильно ненавидела своего племянника, то она, вероятно, была бы ошарашена.

Во всяком случае, она поддерживала меня. Она, скорее всего, верила в это. Это было ясно, так как каждый раз, когда она знакомила меня с другими прихожанами, она рассказывала им о том, насколько я был несчастным ребенком, всегда включая небольшой комментарий о том, какой святой она была за то, что из-за переполняющего ее сочувствия забрала меня в том состоянии. Вероятно, она считала, что это заслуженная благодарность ей, потому что она с таким состраданием относилась к своему племяннику.

Даже сейчас я в конце концов вспоминаю ее голос, когда чувствую запах, который исходит от церквей. В тени от статуи Господа нашего ты должен понимать славу нашего Спасителя, и прежде всего остального, ты должен особенно понять, насколько велики сердца твоего дяди и моё за решение принять тебя, она была личностью, которая сказала бы эти слова 10-летнему ребенку. Знаешь, что произошло тогда, Юджин? Никто не пытался тебя принять. Все они были заняты, пытались жить своей жизнью. Но знаешь ли ты, что сделал старший брат твоего отца? Он презирал эту идею, презирал ее! Он не хотел заботиться о тебе, несмотря на то, что он политик, успешный и богатый! Тебя, потерявшего своих родителей и плачущего на похоронах, окруженного родственниками, он не хотел брать такого несчастного и молодого ягненка! Как он мог ненавидеть саму мысль об этом так сильно?! Если бы не я, что бы с тобой случилось, ты бедный несчастный молодой ягненок?

Поистине, ты должен научиться благодарить.

Я съежился. Я не знаю, какой другой должна была быть реакция 10-летнего ребенка, который только что стал сиротой. Вероятно, это была самая большая причина того, почему я не мстил каким-либо образом в ответ на издевательства, которым я подвергался в школе.

Я был беззащитным. Я был широко открытым новым полем. Независимо от того, сколько раз на меня наступали, били или проклинали, я не сопротивлялся, а просто плакал, как дурак. Простите. Это моя вина. Мне жаль, что я несчастен. Я... багаж. Я — совершенно бесполезный багаж, и все, что я создаю, это неудобство моим дяде и тете. Прости, Миён. Это моя вина. Да, багаж. Поскольку я балласт, я полагал, что ничего не поделать, если со мной что-нибудь случится.

Напротив, Чу Чанми была девушкой, которой было разрешено делать всё что угодно. Уважаемой дочерью, которой было обещано все. Всякий раз, когда она шла, свет лучился вокруг нее. Сильный аромат цветов исходил от нее всякий раз, когда она проходила мимо кого-то. Ее интеллект был похож на прочную стальную башню (П.П.: некий корейский комплимент?). Девочка-вундеркинд 99-го уровня, которая была красавицей, талантом и одинаково преуспевающей и в спорте, и в учебе.

Надо ли говорить, что самое большое несчастье было в том, что она была девушкой?

Правильно, девушкой.

Девушкой с большим любопытством.

Той девушкой, которая желала удовлетворить это жестокое любопытство, не испытывая ни малейшего колебания.

Для нее я, должно быть, был довольно интересной игрушкой. Как машина, слетевшая с

катушек [Like a machine running amok{1}], она делала все возможное, что могла придумать ко мне, и не останавливалась на этом. Чу Чанми неоднократно доказывала, что она, действительно, была поистине подлинным гением. Всякий раз, когда я думал, что после этого не произойдет ничего более жестокого, в следующий раз она доказывала, что я ошибаюсь. Принудительный труд, дача ложной надежды, сексуальное домогательство, суровые оскорбления, насилие толпы, клевета…… всё. Не потребовалось много времени, чтобы издевательства надо мной распространились у всего класса, всей параллели, и вскоре всей моей школе.

Бежать было невозможно. Хотя было время, когда я однажды отказался ходить в школу, вскоре пришел мой дядя и облаял меня: «Мы взяли ребенка, у которого нет матери или отца, и ты не собираешься в школу?». Даже моя тетя: «Как ты мог это сделать» — произнесла она: «Разве ты не знаешь, как выражать благодарность?», затем она заплакала. Однако, независимо от того, что кто-либо сказал бы, моя младшая двоюродная сестра Миён была единственным человеком, который вышиб мою дверь и потащил меня за волосы. «Т-ты... Т-т-ты... Ты, по-потому что ты не пришел в школу, я, я-я-я, я в конечном итоге стала цеееелью!!!». Хотя это была Миён, которая разожгла пламя, поскольку эстафету передали Чанми, школа оказалась в положении, где уже не имело значения, кем была цель издевательств.

Что насчет выпуска? Может это разрешилось бы вместе с ним? Конечно, это возможно. В конце концов, каждый ученик выпустится. Тем не менее, это была совмещенная школа, система образования которой связывала все от начальной школы до университета. Тогда другой метод? Я повторил слова, сказанные моей тетей и определенной религией, в которую она верила. Самоубийство — это грех. Самое большое предательство. Если вы сделаете что-то подобное, тогда людям вокруг вас будет грустно. Даже когда придет Судный день, убийцы будут прощены, но отступники и люди, которые совершили самоубийство — нет. Мне не было позволено даже убить себя.

Единственный путь, который мне был разрешен, заключался в том, чтобы просто увядать, заболеть и медленно умереть. Даже когда я пошел в свой первый класс средней школы, я искренне считал, что это была моя единственная судьба.

Безудержная переведенная ученица «Принцесса смерти» — это было примерно в то время, когда я впервые встретил свою богиню Ча Миньхи.

Примечания:

1. Амок — (от малайск. amok — впасть в слепую ярость и убивать) — психическое состояние, характеризующееся резким двигательным возбуждением (как правило, бег) и агрессивными действиями, беспричинным нападением на людей. В нем. языке — неистовая, слепая, немотивированная агрессия с человеческими жертвами или без них.